

*Посвящается
Мари Эстурнель де Констан*

Один

— Мисс, там какой-то человек спрашивает вашего дядю, — объявила Роуз и остановилась, шумно дыша.

— Что за человек? — спросила девушка, поднося ближе к свету вышивку с замысловатым узором, над которой трудилась. — Может быть, джентльмен?

— Не знаю, — ответила служанка. — Похоже, иностранец.

Было в облике Роуз нечто безрадостное. Крупные груди медленно покачивались, стоило ей заговорить, а своим молчанием она словно давила на окружающих. Если среди тех, кому она прислуживала или к кому обращалась, находились особы чувствительные, то они избегали поднимать на нее взгляд, потому что в манере держаться Роуз им чудилось осуждение, либо же их просто смущала ее заячья губа.

— Иностранец? — переспросила наряженная в воскресное платье хозяйка и удрученно вздохнула. — Значит, немец.

Теперь следовало отдать соответствующее распоряжение. В конце концов, девушка исполняла долг хозяйки как подобает, но поначалу всегда медлила. Ей гораздо больше нравилось пребывать наедине со своими мыслями; если же избежать общения не удавалось,

мало кто мог об этом догадаться по ее бесстрастному, как у мраморной статуи, лицу.

— И что мне делать с этим немецким джентльменом? — спросила заячья губа, устрашающе подергиваясь.

Девушка с безупречной внешностью не повела и бровью. Она была прекрасно воспитана и предпочитала не замечать нетерпения в глазах слуг.

— В ближайший час дядюшка точно не вернется, — рассудительно проговорила она. — Сомневаюсь, что проповедь уже началась.

Почему этому чужаку, этому иностранцу непременно нужно заявиться в воскресенье, когда она осталась дома одна, с головной болью?

— Я могу отвести джентльмена в кабинет вашего дяди. Туда все равно никто не заходит, — предложила Роуз. — Хотя почему знать, не вздумается ли ему что-нибудь стащить.

Судя по унылому лицу дородной служанки, она повидала на своем веку немало мошенников и теперь, обратившись на путь добродетели, могла распознать их с первого взгляда.

— Нет, Роуз! — наконец заявила девушка-хозяйка с такой решимостью, что взметнула ворох нижних юбок носком ботинка, и накрахмаленная верхняя юбка ослепительно-синего цвета добавила к ее ответу несколько шуршащих нот. — Деваться некуда, иначе будет невежливо. Пригласи джентльмена сюда.

— Вряд ли это разумно, — возразила осмотрительная служанка.

Тем временем девушка, добросовестно корпевшая над вышивкой, заметила, что сделала несколько лишних стежков. Ну и ну!

— И вот еще что, Роуз, — добавила хозяйка, окончательно овладев собой, — после того как мы немного

побеседуем — особо не торопись, но и не медли чересчур долго, — принеси портвейн и печенье, которое вчера испекла тетушка, оно на верхней полке. Портвейн бери не самый лучший, а тот, что попроще. Говорят, он весьма неплох. Главное, постарайся принести угощение не слишком поздно, не то дядя с тетей вернутся домой, и выйдет неловко, если столько всего случится одновременно.

— Да, мисс, — сказала Роуз, которую это ничуть не заботило. — Вам рюмку нести?

— Принеси, — кивнула девушка. — Печенье попробую, насчет портвейна я пока не решила.

Многочисленные юбки служанки пришли в движение. Коричневое платье удивительно ладно сидело на ее коренастой фигуре.

— Ах да, Роуз, — окликнула девушка, — не забудь объявить о приходе мистера Фосса, когда пригласишь его в комнату.

— Мистер Фосс? Так зовут этого джентльмена?

— Если он немец, то да, — ответила девушка, разглядывая свою вышивку.

Комната, в которой она сидела, была довольно большая, с темной мебелью, и древесина — старая, выдержанная — будто поглощала лучи солнца, проникающие через полузакрытые ставни, хотя кое-где им и удавалось победно просиять — то на поверхности испещренного полосами тени и света зеркала, то на керамическом столике-табурете, то на какой-нибудь безделушке граненого стекла. В тот день погода выдалась не по-весеннему знойная, и в ожидании гостя хозяйка промокала платком испарину над верхней губой. Ее темно-синее платье буквально растворялось в сумраке, белели только аккуратные манжеты и воротничок, открывающий стройную шею. Некоторые утверждали, что лицо у нее вытянутой формы. С первого взгляда

было сложно понять, красива она или нет, но вполне могло быть, что да.

Девушка, которую звали Лора Тревельян, слышала шаги, и ей стало очень жарко. Впрочем, никто не смог бы определить это по ее виду, потому что она не проявляла ни малейшего беспокойства. Никогда.

По сути, самые острые муки и радости она переживала в одиночестве. Как и свое недавнее решение больше не верить в Бога, о чьем могуществе и человеколюбии ей твердила целая череда гувернанток во главе с доброй тетушкой. Сложно сказать, что стало причиной отступничества Лоры — разве что ее настигло внезапное озарение, случившееся вовсе не по вине тех невинных, простых и добрых душ, с которыми она общалась. Во всяком случае, в итоге она сделалась рационалисткой. Будь она менее горда, то страшилась бы этого куда сильнее. Само собой разумеется, она провела пару бессонных ночей накануне важного решения, к которому, как внезапно осознала Лора, шла уже несколько лет. Сомневаться она начала еще в раннем детстве, возможно, со скуки: в душном мареве веры она задыхалась. Впрочем, Лора верила в вещи осязаемые — в полированное дерево, отражающее предметы, в ясный дневной свет и воду. Даже повзрослев, она фанатично билась над математическими задачками — исключительно ради удовольствия найти решение и узнать ответ. Она прочитывала почти все книги, которые попадали ей в руки в этой отдаленной колонии, пока не сочла свое образование законченным. Она ни в коей мере не испытывала необходимости воспроизводить свой образ ни в чем, кроме, разве что, в отражении мутного зеркала в большой затемненной комнате. И все же, несмотря на завидную самодостаточность, она вполне могла бы разделить свой опыт с кем-нибудь, сходным с ней по интеллекту, если бы таковой нашел-

ся. В узком кругу знакомых или семьи на эту роль не годился никто — ни щедрый дядюшка-коммерсант, человек, в общем-то, простой, ни тетушка Эмми, обивавшая мягкой тканью забот любые житейские трудности, чтобы потом усесться на них с комфортом, ни кузина Белла, с которой она иной раз делилась исключительно забавными секретами, потому что та была совсем юной. Так что на самом деле в ее окружении не нашлось никого подходящего, и в отсутствие спасательной команды ей приходилось быть сильной.

Размышляя о своих неурядицах, Лора Тревельян засмотрелась в зеркало и совсем позабыла о посетителе, поэтому изрядно смутилась, когда служанка Роуз Поршен, бывшая каторжница, шагнула в комнату и объявила:

— Мистер Фосс, мисс.

И прикрыла дверь.

Будучи вынуждена общаться с посторонними, юная хозяйка ощущала спазм в горле. Охваченная удущьем, она опасалась, что к удивлению или даже к тревоге собеседников станет заикаться, но нет. С посторонними она всегда держалась ровно, иногда даже величественно.

— Вы должны извинить моего дядю, — проговорила Лора Тревельян. — Он все еще в церкви.

Она двинулась навстречу гостю, шурша пышными юбками, и протянула ему холодную руку, которую он пожал горячо и чуть грубовато.

— Я зайду позже. Может быть, через час, — пообещал низким мощным голосом высокий худощавый мужчина, приуныв при виде роскошной мебели.

— Служба скоро закончится, — заметила девушка, — и моя тетя наверняка ожидает, что я приму вас надлежащим образом.

Она была непревзойденной мастерицей разговоров ни о чем.

Приунывший немец теребил карман куртки, ткань шуршала громко и резко.

— Благодарю, — брюзгливо пробормотал он с сильным акцентом.

Девушка невольно улыбнулась, ощутив свое превосходство, и благосклонно добавила:

— После поездки в такую жару вам наверняка хочется передохнуть. К тому же следует позаботиться о вашей лошади. Сейчас я распоряжусь.

— Я пришел пешком, — признался немец.

— Ну надо же, из самого Сиднея!

— Тут не больше четырех километров.

— Дорога довольно однообразна.

— Здесь я как дома, — ответил он. — Похоже на бедные северные земли Германии. Там тоже песчаные почвы. К примеру, в маркграфстве Бранденбург.

— Никогда не бывала в Германии, — сдержанно заметила девушка. — Дорога в Сидней кажется мне однообразной, даже из окна экипажа.

— А по своей стране вы часто ездите? — спросил Фосс, наконец найдя повод для осуждения.

— Не так чтобы очень, — ответила Лора Тревелиан. — Изредка выезжаем на природу — для пикников. Или же отправляемся на прогулки верхом. Иногда гостим несколько дней у друзей за городом. Перемена обстановки вносит разнообразие, но я всегда радуюсь возвращению домой.

— Зря сидите на одном месте, — заявил немец. — Страна у вас изумительная.

С грубой навязчивостью он обвинил ее в легкомыслии, в коем она и сама себя подозревала. Временами Лоре слышался собственный голос, твердивший то же самое. Отчасти она страшилась земли, которую, за неимением другой, считала своей. Однако в этом страхе, как и в некоторых снах, она ни за что бы не призналась.

— Знаю, я полная невежда! — рассмеялась Лора Тревельян. — Как и все женщины, о чем мужчины постоянно нам напоминают.

Она давала ему возможность свести все к шутке.

Однако немец ею не воспользовался. В отличие от других мужчин — веселых английских офицеров или молодых помещиков, наезжавших в город, чтобы найти невесту, — он вовсе не считал нужным смеяться. Или же ему не было смешно.

Лора Тревельян с сожалением посмотрела на его растрепанную и довольно жесткую на вид бороду, впрочем, приятного черного цвета.

— Я не всегда понимаю хорошо, — признался немец. — Не все.

Либо он устал, либо же сердился из-за какого-нибудь происшествия или фразы, либо ему просто не нравилась комната, столь немилосердная к чужакам — роскошно обставленная гостиная явно производила гнетущее впечатление, хотя хозяева вовсе к этому не стремились.

— Давно ли вы прибыли в колонию? — осведомилась Лора Тревельян ровным, бесстрастным голосом.

— Два года и четыре месяца, — ответил Фосс.

Она села, и он последовал ее примеру. Они приняли почти одинаковые позы, расположившись в креслах по обе стороны огромного окна. Так сказать, со всеми удобствами. Только вот костлявые колени мужчины чересчур натягивали ткань брюк. Девушка с задумчивым видом подметила, что внизу штанины обтрепались, будто он наступал на них при ходьбе.

— Я здесь уже так давно, — немного мечтательно проговорила она, — что даже не считаю годы. И уж конечно не месяцы.

— Разве вы родились не здесь, мисс Боннер? — спросил немец, понемногу осваиваясь.

— Тревельян, — поправила она. — Миссис Боннер — сестра моей матери.

— Вот как! — воскликнул он. — Племянница.

Разомкнув костлявые руки, он слегка расслабился, потому что племянница — тоже человек в какой-то степени посторонний.

— Мои отец и мать умерли. Родилась я в Англии. Сюда приехала, когда... — она покашляла, — когда была маленькой. Разумеется, кое-какие воспоминания у меня остались, но они совсем детские.

Слабость девушки помогла мужчине вновь обрести утраченную силу. Он уселся в кресле поудобнее.

В комнату с высоким потолком лился свет, доносились воркованье голубей и гул насекомых. Вернулась приземистая служанка с подносом, принесла вино и печенье. Шум снаружи и дыхание третьего человека несколько разряжали обстановку, рубиновая жидкость в графине перестала раскачиваться и замерла. Порядок восторжествовал.

Даже присутствие потрепанного незнакомца с впалыми щеками и тонкими костлявыми пальцами не могло разрушить ощущения полного спокойствия, столь типичного для многих домов в воскресное утро, когда вся семья находится в церкви. Покой этот — явление временное. Скоро сюда ворвутся голоса, может быть, слегка приглушенные. Девушка и сама распалась на голоса своего прошлого. Вот тонкий, серый голос матери, который она никогда не могла связать с ее телом. «Уже отходит», — сказали голоса вроде тех, что закрывают крышку и устраивают будущее. Отходит, только вот куда? На лестнице холодно, ступени ведут вниз, вниз и сверкают от воска, пока дверь не открывается в утро, а ступени Кейт натерла пемзой. Бедная, бедная маленькая девочка! Ее жалеют, ее целуют чужие влажные губы. Часто ее обнимает Капитан

в кителе, так крепко, что она почти становится с ним одним целым — это бьется его сердце или урчит его ужин? — и чередует приказы со сказками; все пахнет солью и мужчинами. Маленькая девочка проваливается в необъятное звездное небо, или в теплый грубый китель, или в сон. Качаются снасти, сияют звезды. Сон и явь, открытия и закрытия, солнца и луны, ничего не поделаешь. «Я твоя тетушка Эмми, и это твой новый дом, бедное дитя, в Новом Южном Уэльсе, надеюсь, ты будешь здесь счастлива, Лора, в этой комнате, мы выбрали шторы из ткани повоздушной, чтобы было светлее», — говорит из-под шляпки мелодичный голос, пахнущий приятным гвоздичным мылом. И на мгновение ей кажется, что постоянство достижимо...

— Прошу прощения, — проговорила Лора Тревелиан, подавшись вперед и откручивая пробку графина с узким горлышком; раздался скрежет стекла или же с трудом произнесенных слов. — Я забыла предложить вам вина.

Гость протестующе поерзал в кресле, будто собирался отказаться от того, чего ему очень хочется, но сказал:

— *Danke**. Нет. Пожалуй, немного налейте. Да, половинку.

Он подался вперед, взял полный до краев бокал и пролил каплю, чего мисс Тревелиан, разумеется, не заметила.

Вдруг в горле у него защемило от портвейна и отчужденности — ему было свойственно предаваться меланхолии на пике наслаждения, и временами он нарочно создавал себе трудности, чтобы, преодолевая их, развлечься. И вот прошлое стало распухать искаженными пузырями, словно окна на складе, где ста-

* Спасибо (нем.). — Здесь и далее прим. пер.

рик-отец отдает распоряжения подручным работникам и клеркам, и сладкий запах светлых досок создает впечатление безопасности и добродетели. Нет ничего безопаснее городка с остроконечными крышами, из которого он готов вырваться при любой погоде, даже ночью, с трудом пробираясь через вересковую пустошь, почти бегом, выплевывая легкие, цепляясь за сучья приземистых, искореженных ветром деревьев, едва различимых при свете тонкого месяца, и мимо прочих ловушек, вроде неожиданно возникшей топи, по которой уныло чавкают его башмаки. Впрочем, во время учебного семестра у него была самая что ни на есть безупречная репутация, вполне достойная великого хирурга, которым он намеревался стать, пока внезапно не почувствовал отвращения к дрожащим людским телам. И тогда он понял, что лучше станет великим ботаником, и с головой ринулся в учебу. Особенно его восхищала кобровая лилия, которая поедает мух. С какой поразительной инстинктивной аккуратностью она избавляет мир от гнусных насекомых! Среди немногих друзей его одержимость стала поводом для шуток. Сперва это вызывало лишь досаду, потом он увидел и положительную сторону: порой непонимание окружающих играет на руку. Взять хотя бы книги, над которыми он корпел. Прерываясь, он сидел при свече в тишине своей скучной комнаты и грыз ногти. В этот час безмолвный белый мир казался плоским как носовой платок и почти таким же немудреным. Наконец он понял, что должен переступить через доверчивого старика-отца. Ради своей защиты ему пришлось стать жестоким. И мать его плакала возле очага, облицованного рельефными зелеными плитками со львами. Потом, когда ему удалось вырвать свободу у отчаянно сопротивлявшихся родителей, старики принялись подкладывать сыну

маленькие свертки — не столько подарки, сколько упреки, и зеленые леса Германии уплывали вдаль, желтые равнины разворачивались перед ним, и он все недоумевал, какова цель и сущность его свободы. Что за аккуратные деревца росли вдоль дорог! Он все еще продолжал недоумевать, стоя на другом краю света, и сапоги его тонули все в том же бесплодном зернистом песке, по которому он бежал, покидая родной Хайде. Однако цель и сущность свободы ему так и не открылись. Поведение человека — череда стремительных рывков, направление которых, по всей видимости, predetermined.

Допив портвейн, Фосс сделал вежливый жест, которому где-то научился, прочистил горло и степенно проговорил:

— Ваше здоровье, мисс Гревельян.

Она сжала губы, ощутив приятную горечь, снова откупорила графин и выпила глоток сверкающего портвейна за его здоровье — ради соблюдения приличий.

Вспомнив свою тетушку, она рассмеялась.

— Моя тетушка считает, что формальности следует соблюдать. Тем не менее, она не одобряет девушек, пьющих вино.

Фосс не понял ее слов. Зато увидел, как она красива.

Она знала, что красива — в определенном свете, в определенные моменты; при других же обстоятельствах лицо ее выглядело чересчур узким и непреклонным.

— Здесь у вас хорошо, — наконец признал Фосс, расслабившись от вина и поглядывая на полуоткрытые ставни, за которыми металась листва, птицы и свет.

Взгляд гостя неизменно возвращался к обстановке комнаты. Слишком много лишнего. Такие красивые женщины для него совершенно лишние, думал он, разглядывая ее стройную шею. Он вспомнил свою